

Время МН-2003 - 22 апр - с. 7.

Инопланетяне Зеленого зала

19

Откуда ни возьмись, в Москве снова Борис Березовский. Но не Абрамович, а Вадимович. Выдающийся пианист странным образом выступил в Московском международном доме музыки

Наталья Зимянина

Сие загадочное заведение сопротивляется какой бы то ни было рекламе с упорством Паганини, решившего доиграть Каприс на единственной нелопнувшей струне. Накануне субботнего концерта феноменального пианиста Бориса Березовского меломаны робко обзванивали друг друга: «Что, правда, что ли?».

Последний раз Березовский играл в Москве с Вадимом Репиным, и этот концерт был отмечен как один из самых заметных в сезоне. На этот раз он приехал с певцом Вячеславом Каган-Палеем. Их выступление происходило в Малом зале ММДМ, таком же шикарно-новеньком, как и Большой, с той только разницей, что тут все зеленое, включая паркет. Над сценой — та же выпуклость, сегмент полушария, будто на ММДМ села летающая тарелка, да и вышла одним боком в зал Большой, другим — сюда, в концептуально-зеленый Малый.

Ну да действительно, обоих музыкантов при желании можно было принять за припелыцев. Каган-Палей, уроженец города Гомеля, довольно известный в мире контртенор — то есть, грубо говоря, мужчина, поющий дурным женским голосом (других, увы, слышать не приходилось). Никакое описание необычайной красоты тембра и перечисление творческих достижений артиста в буклете ничего не отняло от жестокой забавы разглядывания жеманного человека, тоненько, сложив губки дудочкой, выводящего «Снова, как прежде, один» и прочие знакомые слова знаменитых романсов Чайковского, Римского-Корсакова и Рахманинова.

С певцом было что-то не то. Когда Каган-Палей в романсе «Средь шумного бала» спел «А голос твой... (какой? дальше два слова были отведены в подмышку) с тех пор в моем сердце звучит», заволновались даже юноши, пришедшие парочками, преимущественно крапшеные блондины.

Солидным же дамам вспомнился концерт в Доме учителя где-то в середине 70-х, когда примерно такой же мастер спел весь романс «Для берегов отчизны дальней», употребляя исключительно одну эту фразу до самого конца — до такой степени он забыл слова!

Наконец, в очередной раз споткнувшись на Рахманинове, Каган-Палей стильно объявил: «Все, что творится со мной, я передать не берусь». Да чего, собственно, братья — все и так всё сами слышали.

Единственным удовольствием первого отделения стало исполнение «аккомпаниатором» Борисом Березовским трех Прелюдий Рахманинова, с которых он начисто снял их мнимую программность — никакой шири полей, колокольчиков и т.п., а только чистая музыка, век XXI, почти авангард.

После антракта, проведенного поклонниками Каган-Палея в буфете за кофе, чаем и бурным обсуждением того, как хорошо играет «аккомпаниатор», инопланетная история продолжилась и даже пошла в развитие. Певец начал Малером, но вдруг выразил отчаяние, хлопнув себя по бокам, и удалился.

Березовский объявил три фортепианные пьесы Рихарда Штрауса. Понимая, что дело нахнет керосином, видимо, и сам разволновался. Долго роясь в стопке нот, потерял ксероксные странички.

И за роялем всегда есть место подвигу

Третью пьесу найти так и не удалось. Березовский объявил об этом публике откровенно. И добавил: «Вместо Штрауса я сыграю Токкату Роберта Шумана».

В общем, много в этот вечер говорилось на сцене незапланированного. И звучало тоже. Шуман вышел преотличный — при фантастической технике Березовского моторные вещи даются ему особенно эффектно. «Слава не в голосе, — свойски сообщил Борис Вадимович. — Поэтому сейчас я сыграю что-нибудь еще...». Нет, только тот, кто знал такие ситуации, поймет, каково было «аккомпаниатору». Хотелось бы посмотреть на любого другого пианиста на такой амбразуре!

Второе Скерцо Шопена стало подарком публике и небольшим (а может, и большим — в зависимости от того, какое время назад пианист играл его последний раз) подвигом Березовского. Потому букетов он собрал вдвойне — за себя и за того парня.